

Прямота Су Ча еще больше впечатлила Кван Цзя и Сюй Цунцзянь.

Поскольку это было важное прослушивание, большинство конкурсантов чувствовали необходимость оставить хорошее впечатление на судей. Поэтому они добавляли множество ненужных деталей, когда на самом деле судьи вообще не были заинтересованы. Для судей самым главным было то, чтобы конкурсанты проявили свой талант.

Для них эта симпатичная девушка, которая не теряла времени на пустые разговоры, была действительно благоприятна.

Взгляд Кван Цзя на Су Ча смягчился.

Когда Су Ча собиралась петь, Ю Сицин прокомментировала с неясными намерениями: “Эту песню довольно трудно петь, такая храбрость для выбора...”

Ее замечание прозвучало не как комплимент, а скорее как насмешка над Су Ча за то, что она переоценивает себя.

Су Ча проигнорировала ее и запела под внимательным взглядом судей:

“Ты крепко держал меня в своей руке, чтобы я не убежала. Мне никогда не на кого было положиться, пока я не встретила тебя. Я все бросила, лишь бы последовать за тобой...”

Глаза Кван Цзя и Сюй Цунцзянь загорелись, когда они услышали чистый и неземной голос Су Ча. Они посмотрели друг на друга, так как оба хорошо понимали музыку.

Какой замечательный голос!

Ее голос не был экстраординарным, но и не был тем, который звучал громко и отдаленно. Тем не менее, он был эфирным и незабываемым с того момента, как они его услышали. Словно струящийся ручей, он был чистым и серебристым, но в то же время изысканным и далеким, как снежные лотосы на горе.

Кроме того, ее голос был легко узнаваем!

Кван Цзя и Сюй Цунцзянь поняли, насколько редким был голос Су Ча, едва услышав его.

Более того, трудность “Дикого голубя” заключалась не в отсутствии высокочастотных частей, а в его нерегулярном способе пения.

Мелодия не была броской, так как оригинальная песня имела слегка удручающее чувство. Она в значительной степени тестировала певца на понимание ритма.

Голос Су Ча не очень хорошо подходил к этой песне, но она пела ее со своими собственными эмоциями и перестроила ее, чтобы создать свой собственный стиль. Кван Цзя и Сюй Цунцзянь не могли удержаться и закрыли глаза, чтобы насладиться ее пением.

Даже если она пела без аккомпанемента, одного ее голоса было более чем достаточно, чтобы доставить удовольствие публике.

У Ю Сицин было довольно странное выражение лица. Она не могла понять, в чем заключалась трудность этой песни, но знала, что Су Ча поет довольно хорошо, судя по выражению лиц двух других судей.

Ее рука, потянувшаяся к звонку, замерла в нерешительности. Звонок был привилегией судей. Они могли бы позвонить в колокол, чтобы остановить конкурсантов от продолжения их выступления, если они не были удовлетворены этим выступлением.

Пока она колебалась, Су Ча продолжила свою песню.

Здесь нет ничего печального, ничего такого, что нельзя было бы пережить.

Су Ча закрыла глаза, позволяя песне слететь с ее губ, вспоминая свою первую жизнь. Она позволила ностальгии омыть ее эмоции. Ее неземной голос почти вознес судей в облака.

Когда она закончила свою песню и комната снова погрузилась в тишину, судьи почувствовали себя несколько потерянными и тоскующими.

Насладившись послевкусием после нескольких секунд молчания, и Сюй Цунцзянь не смог удержаться и начал громко аплодировать: "Великолепное, великолепное пение!"

Он только что переехал из Гонконга на материк, так что его мандаринский был не очень точен. Однако блестящая улыбка на его лице, когда он смотрел на Су Ча, выражала, насколько он был счастлив.

Даже Кван Цзя не смогла удержаться и похвалила ее: "Откровенно говоря, но я не ожидала услышать такой замечательный голос всего на второй день. Если честно, мои уши были полностью очищены вашим чистым и эфирным голосом. Ваш голос выдающийся, я уже могу вспомнить ваш голос с того момента, как я его услышала."

<http://tl.rulate.ru/book/41344/956024>